

COVENANT & CONVERSATION

ЭССЕ ОБ ЭТИКЕ

РАББИ ЛОРД ДЖОНАТАН САКС, ЗЕХЕР ЦАДИК ЛИ-ВРАХА

ПЕРВОНАЧАЛЬНО НАПИСАНЫ И ОБНАРОДОВАНЫ В 5775 ГОДУ

Благодарим организацию "Уол легаси" (Wohl Legacy) за щедрую спонсорскую поддержку Covenant & Conversation. Морис был дальновидным филантропом. Вивьенн была глубочайше скромной женщиной. Вместе они представляли собой уникальный тандем - преданный своему делу и милосердный, "жить" значило для них "жертвовать".

Перевод с английского Светланы Силаковой

Тора как песнь

« Вайелех »

Долгий и бурный жизненный путь Моше близится к концу. Благословляя и ободряя словесно своего преемника Йеошуа, он передает ему полномочия и говорит так:

«Сегодня мне исполнилось сто двадцать лет. Возможно, я больше не буду уходить [в поход] и возвращаться, поскольку Г-сподь сказал мне: "Ты не перейдешь Иордан"»¹ (Дварим, 31:2).

Как отмечает Раши, он говорит «возможно, я не буду», а не «я не могу». Он до сих пор в расцвете сил, его здоровье крепко: «Его зрение не ослабевало, а его силы не истощались». Но он достиг конца своего личного пути. Наступило время, когда должна начаться другая эпоха, прийти новое поколение, появиться лидер иного типа.

Но, прежде чем Моше простится с жизнью, у Б-га есть еще одно, последнее заповедание — оно адресовано Моше, а через Моше передано грядущим поколениям:

«А теперь запишите для себя эту песнь и научите ей сынов Израиля, вложите ее в их уста, чтобы эта песнь была свидетелем для Меня среди сынов Израиля»² (Дварим, 32:19).

В простом, буквальном смысле этот стих означает, что Б-г повелел Моше и Йеошуа записать целиком песню, которая приведена в Торе ниже, — Аазину (Дварим, 32:1–43). Так понимают этот стих Раши и Нахманид. Но устная традиция истолковывает его иначе.

¹ Так в английском переводе. В русском переводе Д. Сафронова под редакцией А. Графова: «Сто двадцать лет мне сейчас. Не под силу мне больше уходить [в поход] и возвращаться. И Г-сподь сказал мне: "Тебе не суждено перейти Иордан"». — *Примеч. перев.*

² Так в английском переводе. В русском переводе Д. Сафронова под редакцией А. Графова: «А теперь запишите себе вот эту песнь. Научи ей сынов Израиля, вложи ее в их уста, чтобы эта песнь была для Меня свидетельством о сынах Израиля». — *Примеч. перев.*

По мнению мудрецов, слова «а теперь запишите для себя» относятся к Торе в целом. То есть последняя из всех 613 заповедей обязывает написать свиток Торы — или, самое малое, принять участие в написании хотя бы одной буквы в нем. Вот этот закон в изложении Маймонида:

«Предписано каждому человеку из народа Израиля написать себе свиток Торы, как сказано: “А теперь пусть каждый из вас напишет для себя эту песнь”; другими словами, каждый должен написать Тору, в которой содержится эта песнь, ведь Тору не пишут отдельными разделами. Даже тому, кому предки оставили свиток Торы, заповедано написать свой. Если он написал ее собственной рукой, то как будто получил с горы Синай. Если не умеет писать, то для него пишут другие. И всякий, кто исправил хоть одну букву в свитке Торы, как будто написал его весь»³.

Зачем нам дана эта заповедь? Почему она была дана именно тогда, на исходе жизни Моше? Отчего она замыкает список всех заповедей? А если в ней подразумевается Тора как целое, для чего Тору называют в ней «песнь»?

Здесь устная традиция указывает намеками на целое созвездие глубоких мыслей. Прежде всего, она сообщает и сынам Израиля, и нам — каждому поколению, — что недостаточно говорить: «Мы получили Тору от Моше» или «от своих родителей». Мы, каждое поколение, должны взять Тору и обновить ее. Мы должны написать свой свиток. Суть Торы не в ее древности, а в ее новизне; она рассказывает не только о прошлом, но и о будущем. Это не просто какой-то старинный документ, реликт какой-то более ранней стадии развития общества. Тора говорит с нами здесь и сейчас — но только при условии, что мы прилагаем усилия, чтобы написать ее снова.

Есть два ивритских слова, означающих «наследие»: «нахала» и «йеруша/мораша». Они несут разные смыслы. Слово «нахала» родственно слову «нахаль» — «река», «поток». Как вода течет под уклон, так и наследие перетекает от поколения к поколению. Это естественный процесс, не нуждающийся ни в малейших усилиях с нашей стороны.

«Йеруша/мораша» — другое дело. Здесь глагол в активном залоге, он означает, что человек чем-то завладевает посредством какого-то созидательного действия или усилия. Сыны Израиля получили страну в результате обещания, которое Б-г дал Аврааму. Страна полагалась им по наследству от предков, но им тем не менее пришлось вести бои и выигрывать войны.

Ле-авдиль⁴, Моцарт и Бетховен — сыновья музыкально одаренных отцов. Музыка была заложена у них в генах, но произведения Моцарта и Бетховена — плоды почти непрерывного усердного труда. Тора — «мораша», а не «нахала». Нам нужно написать ее для себя, а не просто унаследовать от предков.

А для чего понадобилось называть Тору «песнью»? Дело в том, что, если мы хотим передать следующему поколению свою веру и образ жизни, в них должна быть

---

³ Законы о тфилин, мезузе и свитке Торы, 7:1. — *Примеч. авт.* В русском издании см.: Мишне Тора (Кодекс Маймонида). Книга «Любовь». М.: Книжники; Лехаим, 2012. С. 323–324. — *Примеч. перев.*

⁴ Не рядом будь помянуты (*ивр.*).

звучность песни. Тора должна воздействовать на эмоциональном, а не только на рассудочном уровне. Она должна апеллировать к нашим чувствам.

Как наглядно доказал Антонио Дамасио в «Ошибке Декарта»⁵, хотя для того, чтобы мы стали людьми, главное — «рассудочные» структуры мозга, мы все же выбираем свой путь по наущению лимбической системы — средоточия эмоций. Если нашей Торе недостает страстности, нам не удастся передать ее грядущим поколениям. Музыка — эмоциональный аспект межличностного общения, средство, которое мы используем, чтобы выражать и пробуждать эмоции, делиться ими с другими. Именно потому, что мы существа эмоциональные, музыка — неотъемлемая часть лексикона, который человечество использует для общения.

Музыка тесно связана с духовно-религиозной жизнью. Райнер-Мария Рильке сказал об этом так:

Невыразимое все еще льется в слова родником...

И в бесполезном пространстве музыка снова и снова

*из самоцветьев дрожащих строит божественный дом*⁶.

В опыте иудаизма песня занимает центральное место. Мы не молимся, а «давен» — то есть «пропеваем» слова, адресованные Небу. И Тору мы не просто читаем, а читаем нараспев, каждое слово — с отдельной мелодической интонацией. Даже раввинистические тексты — это не только исследования; мы читаем их нараспев, и эта певучесть известна всем, кто штудирует Талмуд. На каждый час и для каждого текста есть свои, особые мелодии. Одну и ту же молитву можно петь на полдюжины разных мелодий в зависимости от того, частью какого служения она является — утреннего, дневного или вечернего, а также того, какой сегодня день — будний день, шабат, праздник или один из Великих праздников. Есть разные мелодические интонации для чтения библейских текстов, обусловленные тем, откуда этот текст — из Торы, книг пророков или Ктувим, «писаний».

Иудаизм — религия слов, но, однако же, всякий раз, когда язык иудаизма устремляется в духовную сферу, он перерастает в песню, словно сами слова хотят взлететь, преодолев силу притяжения, — вырваться из мира конкретных значений. Музыка апеллирует к тому, что глубже рассудка. Если мы хотим при жизни каждого поколения обновлять Тору, надо изыскать способ спеть ее песнь на новый лад. Слова всегда неизменны, а вот музыка меняется.

Преыдущий главный раввин Израиля, рабби Авраам Шапиро, однажды поведал мне историю о двух великих мудрецах раввинистического иудаизма, живших в XIX веке: оба были выдающимися учеными мужами, но один потерял своих детей — их сманил с пути истинного секулярный дух времени, а другой был благословлен судьбой — дети по-шли по его стопам. Шапиро сказал, что между этими мудрецами было одно различие: во время сеуда шлишит — треть-ей шабатней трапезы — первый из них произносил слова

⁵ Antonio Damasio. Descartes error: emotion, reason, and the human brain. London: Penguin, 2005.

⁶ Перевод с немецкого Карена Свасьяна.

Торы, а второй пел песни. Мысль Шапиро ясна. Без эмоционального аспекта, то есть без музыки, иудаизм — это тело, лишенное души. Именно песни, которым мы учим своих детей, передают нашу любовь к Б-гу.

Какое-то время назад один из лидеров мирового еврейства захотел выяснить, что случилось в Польше с «пропавшими еврейскими детьми» — с теми, кого во время войны усыновили христианские семьи и воспитали в духе католичества. Он решил, что это проще всего сделать за совместной трапезой. Заказал устроить банкет и разместил на правах рекламы в польской прессе обращение, пригласив на этот бесплатный обед всех, кто предполагает, что родился евреем. Пришли сотни людей, но ни один не смог ничего припомнить о своем раннем детстве. И, когда уже казалось, что затея этого лидера провалилась, он спросил у соседа по столу, не помнит ли тот песен, которыми убаюкивала его еврейская мама. Сосед запел «Рожинкес мит мандлен» («Изюм с миндалем») — старинную идишскую колыбельную. Другие мало-помалу подхватили песню, и наконец весь зал запел хором. Иногда песня — единственное, что остается от еврейской идентичности...

Рабби Йехиэль-Михл Эпштейн⁷ пишет в предисловии к разделу «Хошен Мишпат» своей книги «Арух а-шульхан», что Тору сравнивают с песней, потому что для ценителей музыки самый красивый звук хора — сложное многоголосие, когда много разных голосов поют разные ноты одновременно. Точно так же, пишет он, обстоит дело с Торой и мириадами комментариев к ней, ее «семьюдесятью лицами». Иудаизм — хоровая симфония, в партитуре которой есть место множеству голосов, и письменный текст — мелодия иудаизма, а устная традиция — его полифония.

Итак, именно с поэтическим чувством катарсиса жизнь Моше завершается заповедью, повелевающей нам в каждом поколении начинать сначала, писать свой свиток, добавлять свои комментарии: таким образом народ Книги нескончаемо истолковывает Книгу народа по-новому и поет ее песнь. Тора — Б-жье либретто, а мы, еврейский народ, Его хор. Мы коллективно пели и поем Б-жью песнь. Мы — исполнители Его хоровой симфонии. И хотя в разговорах евреи часто спорят, но если уж они поют — поют слаженно. Ведь слова — язык ума, а музыка — язык души.

www.RabbiSacks.org   @RabbiSacks

The Rabbi Sacks Legacy Trust, PO Box 72007, London, NW6 6RW • +44 (0)20 7286 6391 • info@rabbisacks.org

© Rabbi Sacks • All rights reserved

⁷ Рабби Йехиэль-Михл бар Аарон-Ицхак Алеви Эпштейн (1829–1908) — авторитетный законоучитель, автор алахического кодекса «Арух а-шульхан» — комментария к «Шульхан арух». Родился и прожил всю жизнь в Российской империи. — *Примеч. перев.*